

— Ирина Николаевна, девочки обычно мечтают о профессии врача, балерины, киноантрисы... Ну, а дрессировка хищников — это, казалось бы, отнюдь не удел слабого пола?

— Сколько себя помню, всегда очень любила животных. Вероятно, сказало влияние отца, ветеринарного врача. У отца было много работы, его часто приглашали в зоосад, на ипподром, в цирк. Всякий раз отец брал с собой в цирк и меня. Он лечил лошадей, собак, обезьянок, я рядом переживала, уже очарованная цирком.

Росла я здоровой и ловкой. В семье была четвертой дочерью, и родители, мечтавшие о сыне, воспитывали меня «под мальчика». Я лазила по деревьям, бегала, прыгала... В то же время любила танцы и училась в балетной студии,

ные артисты. Наших мастеров было мало: талантливое поколение Дуровых работало больше с домашними животными или «с мирными дикими» вроде обезьян, морских львов, слонов. Хищников дрессировали, пожалуй, только Борис Эдер и Николай Гладильщиков, а женщины — дрессировщицы львов не было вообще ни одной. И я решила стать первой. По моей просьбе в цирк привезли трех маленьких львят.

И тут мне вспомнилось детство. Однажды я увидела у отца книгу, на обложке которой значилось: «Кай Юлий Цезарь». Звучное и незнакомое имя поразило слух. И вот теперь я решила это красивое и знаменитое тройное имя разделить между тремя братьями-львятами. И еще я запомнила с детства выражение, созданное в древности людьми,

Ведь дрессировщик на манеже должен владеть искусством пантомимы, уметь точно и выразительно двигаться, причем, без эффекации и позировки, плавно и органично.

Всем этим премудростям я семнадцатый год учу моего ближайшего помощника Бориса Бирюкова, который, надеюсь, скоро будет выступать с собственным аттракционом. Но на это потребовалось все-таки семнадцать лет ежедневной изнурительной работы.

— Пожалели ли вы хоть раз в жизни о том, что избрали эту профессию?

— Ни разу. Наоборот, с каждым годом все больше убеждаюсь, что нашла себя. В этой работе сумела применить все свои природные данные, все способности. И потом, чисто по-человечески, это же очень приятно — каждый вечер создавать романтический образ смелой, волевой, сильной женщины. Приятно потом и читать письма зрителей.

— Если быть до конца откровенной, бывает на манеже страшно?

— Конечно. Это вообще страшная профессия. И я волнуюсь перед каждым выступлением, знаю, что возможны всякие неожиданности, сюрпризы. Вот журналисты пишут: «Мужественная, смелая...» А это мужество, эта смелость в нашем деле абсолютно естественны. Только мы об этом стараемся не думать, работаем — и все. Хищник есть хищник, и падез в рот ему ле кладя. Слабого львы не признают. Они сами многому научили меня, например, видеть, чувствовать зверя спиной, моментально реагировать.

А всяких страшных историй было сколько угодно. Вот в Лодзи, например, не успела отскочить от льва и тут же почувствовала сильнейший удар в лицо (по силе — это удар боксерской перчатки плюс когти). На ногах устояла. В клетке падать вообще нельзя, хищники мгновенно бросаются на падающего. Зажала кровоточащую рану (вату передала через прутья) и продолжала работать — без оркестра, в звенящей тишине. Шквал оваций обрушился, когда последний зверь покинул клетку. А я в этот момент чуть не потеряла сознание.

Но вместе с опасным достаточно случалось в моей работе и забавном. Однажды зимой во время представления какой-то папаша из первого ряда положил шубку своей дочери на барьер. В это время я покоилась на «ковре» из животных, и цирк был погружен в полумрак. Хитрая львица Наташа, увидев рядом незнакомый предмет, быстро

схватила его через прутья и, когда вспыхнул полный свет, оказалась на тумбе с шубой в зубах. Узрев в обличье своей подруги нечто новое, звери насторожились. В любое мгновение можно было ожидать свалки. Пришлось тут же удалить Наташку с манежа. Когда потом, за кулисами, из ее клетки еле-еле вытянули несколько жалких клочков меха, маленькая девочка захопала в ладоши: «Тетя Бугримова, спасибо, что ваш лев съел старую шубу, теперь мне папа купит новую!» Пришлось дирекции оплачивать этот непредвиденный счет.

— Каким музам, кроме цирка, вы еще поклоняетесь?

— Музыка. Музыка для меня это, прежде всего, Чайковский и Шопен. Когда была маленькой, засыпала обычно под вальсы Шопена, которые играла мама. Если позволяет время, кожу в кино, но сама со своими подопечными в кино никогда не снимаюсь, потому что люблю зверя живого и люблю живого зрителя, с которым вступаю в непосредственный контакт во время представления... Снимаю собственные любительские фильмы, я ведь много повидала разной экзотики: Куба, Мексика, Иран, Кувейт... Да и свою страну извездила вдоль и поперек.

Лев СИДОРСКИЙ.

ОЧАРОВАННАЯ ЦИРКОМ

играла на рояле, увлекалась театром. Потом серьезно занялась спортом, была чемпионкой Украины по легкой атлетике. Кроме того — коньки, плавание, верховая езда, (кубки, дипломы, жетоны, завоеванные мною на тех соревнованиях, сейчас хранятся в музее Киевского цирка).

Да, цирк оказался превыше всего. Преодолев некоторую растерянность мамы, не ожидавшей от меня такого «трюка», я решила освоить в цирке свой собственный номер. Это был первый советский механический аттракцион — «Полет на саях». В лыжном костюме я садилась в металлические сани, закрепленные под самым куполом, и летела с бешеной скоростью вниз по особому скату, который обрывался метрах в трех от арены. Сани, подброшенные трамплином, делали головокружительную петлю, пролетали через подвешенное над манежом вращающееся кольцо и опускались в сетку. Полет был опасен, каждое движение рассчитывалось чуть ли не по миллиметру, малейшее невниманье или упущение грозили гибелью, но я скоро привыкла к риску и работала почти спокойно... А потом захотелось чего-то нового: может, новых опасностей, но и новых достижений. Так я встретила со львами.

В то время с дрессированными зверями выступали в основном зарубеж-

ми, вероятно, желавшими прожить свою жизнь не бесследно:

— «Или Цезарь, или никто». Оно стало для меня чем-то вроде жизненного кредо.

— Ирина Николаевна, если бы я вдруг решил поменять профессию и тоже стать дрессировщиком, что мне для этого нужно?

— Нужно очень многое, поэтому лучше сразу же откажитесь от столь рискованного внгаза. Нужны беспредельная любовь к животным, воля, смелость, чувство меры и самообладание. Кроме того, как и в любом другом искусстве, необходимо умение создать образ, ибо, как это ни парадоксально звучит, зрители, которые, казалось бы, специально смотрят на «выступающих зверей», прежде всего следят за человеком, за артистом. Удастся дрессировщику создать образ, импонирующий публике, — его ждет успех. Не удастся — его работа, пусть даже очень сильная по трюкам, окажется серой, не произведет и сотой доли того впечатления, на которое он рассчитывал. Увы, еще случается видеть на арене работу, напоминающую скучную репетицию или унылый класс. Нет общей мысли, нет замысла, исполнитель не может «подыграть» своим питомцам, оп не в образе. Мне, например, в создании первого номера очень помогли не только физическая закалка, но и занятия музыкой, балетом.